

УДК 111.1:115(470+571)

С.В. Комаров

ВРЕМЯ РУССКОГО БЫТИЯ (ЧАСТЬ I)

Статья посвящена исследованию времени на основе экзистенциальной аналитики русского бытия. Различие в понимании природы времени в западном и русском мышлении выражается в фигурах линии и круга; показано различие в понимании «момента» времени как точки и интервала. Показано, что основным модусом времени для западного мышления является будущее время, для русского мышления – прошлое. На основе этого интерпретируется остановившееся время повседневности русского бытия и повторяющееся («застрявшее») время истории. Показано, что различное отношение к своей конечности западного и русского человека рождает разные стратегии понимания свое историчности и событийности и открывает разные возможности выхода из круга повторяющегося времени.

Ключевые слова: Бытие, присутствие (Dasein), время, линия, круг, момент, прошлое, настоящее, будущее, решимость быть, застрявшее время, идущее время, освобожденное время, история, событие.

Ein Wort Hallers hat mir den Schlüssel zu diesem Verstandnis gegeben. Er sagte einmal zu mir, nachdem wir über sogenannte Grausamkeit im Mittelalter gesprochen hatten: «Diese Grausamkeiten sind in Wirklichkeit keine. Ein Mensch des Mittelalters würde den ganze Stil Unseres heutigen Lebens noch ganz anders als grausam, entsetzlich und barbarisch verabscheuen! Jede Zeit, jede Kultur, jede Sitte und Tradition hat ihren Stil, hat ihre ihr zukommenden Zartheiten und Härten, Schönheiten und Grausamkeiten, hält gewisse Leiden für selbstverständlich, nimmt gewisse Übel geduldig hin. Zum wirklichen Leiden, zur Hölle wird das menschliche Leben nur da, wo zwei Zeiten, zwei Kulturen und Religionen einander überschneiden. Ein Mensch der Antike, der im Mittelalter hätte leben müssen, wäre daran jämmerlich erstickt, ebenso wie Wilder inmitten unsrer Zivilisation ersticken müßte. Es gibt nun Zeiten, wo eine ganze Generation so

© Комаров С.В., 2015

Комаров Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: komarov@pmc.edu.ru.

zwischen zwei Zeiten, zwischen zwei Lebensstile hineingerät, daß ihr jede Selbstverständlichkeit, jede Sitte, jede Geborgenheit und Unschuld verlorengeht. Natürlich spürt das nicht ein jeder gleich stark. Eine Natur wie Nietzsche hat das heutige Elend um mehr als eine Generation voraus erleiden müssen – was er einsam und unverstanden auszukosten hatte, das erleiden heute Tausende.

H. Hesse. Der Steppenwolf

Погнавшись за европейскими образцами,
мы сбились с нашего исторического пути.
Отсюда все наши ошибки, все невзгоды.

К. Кавелин

Эта статья есть продолжение начатого нами ранее исследования о русском бытии [6, с. 49–59]. Речь пойдет теперь о временных структурах русского бытия.

1. Предварительная экспозиция проблемы. В самом конце книги «Бытие и время» М.Хайдеггер ставит вопрос о смысле самого времени [9, с. 437]. Это переворачивает отношения между бытием и временем. Теперь бытие выступает смысловым горизонтом времени, а экстатические схемы времени раскрываются как пространственные схемы бытия. Но это «прочитывание» одного через другое самим немецким философом не было реализовано¹. В поздней работе «Время и бытие» он только ставит вопрос об их совместной данности как события. При этом, однако, и бытие, и время рассматриваются сами по себе безотносительно к конечному существу Dasein. Однако нереализованность этого проекта не отменяет возможности понять структуры бытия конечного существа как экстазы времени.

Здесь есть один принципиальный момент. Мы хотим понять время как структуры бытия. Понимание есть основополагающая конститутивная структура нашей экзистенции, а потому – временности. Непонимание только модус последнего и может быть столь же продуктивным для нашего существования. И все же понимание не просто модус Бытия как такового, а фундаментально конститутивный экзистенциал именно *нашего собственного* конечного присутствия. Оно не только определяется, но и определяет наше конечное бытие: с одной стороны, это фактичность нашего присутствия, с другой стороны, она всегда открывается для

¹ Такой анализ осуществлен в нашей работе [5, с. 377–384].

самого Dasein как его присутствие. Присутствующий собственно есть только на основе своего отношения к своему присутствию. Являясь открытой медиацией (различением) самого нашего бытия, понимание выступает всегда как *личный* опыт. Этот момент был опущен немецким философом в его фундаментальной онтологии. Для него понимание в модусе осознанной решимости было самым собой разумеющимся модусом присутствия; другого он просто не знал. Он просто не придал специального значения тому, что именно осознанная решимость фундаментально и необратимо меняет наше наличное бытие, в том числе – и понимание нашей собственной временности и историчности [7, с. 107–120].

Данные принципиальные положения нам необходимы для того, чтобы совершить анализ времени русского бытия на основе понимания основополагающих структур русского здесь-бытия. Дадим краткую экспозицию понимания русского Dasein.

М. Хайдеггер показал, что само бытие понимается из присутствия конечного сущего. Это был первый шаг философского мышления вообще (Leitfrage). Собственно, в таком сдвиге – от данного сущего к его «есть» открывается и само бытие, и само мышление как таковое². При этом скрыто, что в таком ходе само бытие уже определенным образом «предвзято», «предусмотрено» и «предрешено». Как же оно в такой постановке уже предварительно задано? А таким образом, что, во-первых, Sein полагается противостоящим наличному da; собственно, эта дистанция и открывается в самом вопросе-сдвиге. А, во-вторых, это da изначально «понимается» как первоначальное тождество бытия и мышления, которое в самом вопрошании различается как конечное мышление-понимание и внешнее ему бытие. Но вся проблема в том, что «изначально» и онтологически, и феноменологически Sein и da не отделены друг от друга; строго говоря, здесь нельзя говорить об их тождестве или их различии. Единственно, что со всей очевидностью должно быть допущено – и допущено «задним числом», – это само неопределенное бытие [2, с. 69–76]. Ведь Da – это только «место» (там) со-бытия свершения-определения-различения. Sein определяет-ся (определяет себя), в конкретном da, а Da определяет себя (определяет-ся) как экзистенция вот-этого Sein. Всякое различение, определение, оппозиция, тождество и мышление выступают в дальнейшем.

Но это означает, что сущее по имени Dasein может экзистировать к своему бытию различным образом, и сам феномен бытия может открываться в ином смысловом горизонте, чем это намечено европейской философией. Именно таково *русское* бытие. Оно – всегда и изначально неопределенное, безграничное и безмерное присутствие³. А потому оно не то чтобы вообще не-

² Заметим мимоходом, что это «роковой» ход для всякой европейской философской мысли: в таком вопросе происходит, вопреки М. Хайдеггеру, не «забвение» бытия, а скорее «забвение» самого сущего, самой «вещи», самого того, что присутствует в присутствии. Причем так, что современному спекулятивному реализму об этом приходится специально напоминать [10].

³ Эта беспредельность бытия является общим местом в русской философии. (См., например, [8, с. 223–233]).

мыслимо, но, скорее, выше и больше всякого мышления. Для русского человека быть – значит быть вне мышления, ведь быть – это, строго говоря, просто быть, присутствовать, а вовсе не мыслить бытие, вовсе не отождествлять свое бытие с мышлением, не делать из своей жизни мыслительную задачу. Такое не-отношение к своему бытию делает специфической экзистенциальную аналитику русского здесь-бытия. Бытие не то, чтобы не понимается, оно – *переживается и принимается*. Не *Verstehen* – фундаментальный экзистенциал русского здесь-бытия, а *Erlebnis* – переживание во всех его проявлениях и во всем объеме или *Verabscheidung* – принятие-смирение своего бытия. Русские *проживают* свое бытие: «жизнь есть – жить будем, а смерть придет – помирать будем». Это предполагает иное онтологическое устройство русского здесь-бытия в сравнении с бытием западного человека⁴.

Русские не выделяют себя из бытия как быта, для них *Vorhandenheit* тождественно *Zuhandenheit*. Для русских нет феномена бытия-в-мире, ибо Мир и есть само наше безграничное присутствие. Нет никакого отношения к бытию, ибо бытие не противостоит, а не отдельно и неотделимо от здесь-бытия; оно не окружает, а везде присутствует вплоть до его забвения и беззаботности по отношению к нему. Такое бытие и есть и не-есть одновременно [3]. Эта близость к бытию означает иное содержание всех экзистенциалов присутствия сущего по имени *Dasein*. А именно: не-отношение к своему бытию порождает иную находимость себя в присутствии (*Befindlichkeit*), иную структуру настроенности на бытие (*Stimmung*), принципиально по-иному переживается брошенность / найденность и падшест в мир (*Verfallen*). Соответственно, мы вынуждены говорить об иной структуре Заботы, а именно об отсутствии Страха, о другом отношении к Смерти, другом месте Совести и Решимости быть. Страх как фундаментальная структура заботы имеется только в горизонте Ничто, а для русского здесь-бытия нет «там»: все «там» такое же, как «здесь». Смерть есть возможность нашего бытия, но не определенная, а самая наиконкретнейшая, т.е. существующая по сю сторону жизни, как постоянное присутствие (небытие есть не противоположность, а только иное самого бытия). Смерть есть русское у-себя-бытие. Русские слышат Зов бытия (Совесть), но не как Весть извне, а как собственный, внутренний голос, который всегда здесь. Русские, конечно, знают и волевою решимость, и субъективный выбор, но он для них является только сбыванием-событием самого бытия, а не проекцией их конечной воли. Решимость есть не проявление своеволия, но имманентного свершения самого нашего бытия: бытие разрешается так, как разрешается сама природа своим плодами, беременная женщина разрешается при родах ребенком. Эта *Entscheidenheit* есть собственный ход бытия.

⁴ Экзистенциальная аналитика русского бытия подробнее представлена нами в работе [6, с. 49–59].

Таким образом, экзистенциалы русского бытия имеют принципиально иное содержание. Русское здесь-бытие есть не-отношение к своему бытию, и в этом головокружительном не-отношении кроется вся специфика русского существования, а значит, и специфика русского времени. Замысел этой статьи заключается в том, чтобы исходя из этой экзистенциальной аналитики русского бытия понять фигуры русского времени.

2. Целое русского времени. Линия и круг. Нас *пока* интересует сам *базовый опыт переживания* своей временности. Отношение русского *da* к *Sein* выступает как не-отношение (*kein-Bezug*), как отсутствие всякого различения и дистанции, которым является мышление. Такое мышление – как начало всякой философии – есть «не-бытие», некая экстерриториальная точка, из которой открывается бытие как предмет мышления. Гипостазирование такого хода, ведущее к признанию привилегированности понятийного мышления, а вместе с ним и конечного сущего, с одной стороны, и гипостазирование бытия путем представление его как иного сущего, с другой стороны, есть основополагающая линия европейского философского мышления. Однако, как говорилось выше, такая точка, такое место, такое присутствие как выделенное в-себе-самом существует (совершается) только в самом этом событии различения. Отношение возникает именно как совершение от-несения, т.е. полагания и отличения от себя самого. Это значит, что *Dasein*, субъект, *cogito*, мышление автореферентны: представляют самих себя. Дело, однако, в самом этом событии, в самом ходе отнесения, различения, мышления, представления. Оно разворачивается как процесс, т.е. *время*.

Немецкое *Zeit* (как и латинское *tempus*) связано с представлением о последовательности, переходе, отделении, разрыве, выделении «моментов» бытия. Такое в своей основе линейное представление означает движение «от» ... «к», располагая моменты «назад» и «вперед» по траектории этого движения. Это различие уже выступает как отношение одного к другому, точнее – одно после другого или одно за другим (*einander und nacheinander*). Это разворачивание выражает не просто последовательность, но такую смену их, когда отдельный «момент», оставаясь собой, повторяется другой раз.

Поэтому становление другим здесь совершается не по существу, а как повторение того же самого; это различие тождественного. Качество этого времени в его повторении как того же самого. Поэтому это есть *количественное время*. Активный счет и линия – вот фигуры представления качества этого времени. Кантовский трансцендентальный счет только репрезентирует эту схематику перебора, вереницы конечных моментов.

Die Allerzeit может быть представлено только в нескончаемом пробеге по этой стреле времени, а это – бесконечность. В этой бесконечности «представлено» все время, а именно единство того, что было, того, что может быть, и того, что наличествует. Именно представлено, поскольку пройти всю бесконечность времени совершенно невозможно. А потому момент «теперь» и есть

место (событие) различения и сборки времени, и только он в собственном смысле *есть*. Настоящее, наличное, действительное и есть граница, отделяющая прошлое от будущего. Последние, строго говоря, не актуальны, а всегда и только потенциальны.

Поскольку для западного Dasein здесь – в «моменте» – собрано все бытие, постольку он есть «место» вечности. Точнее, «момент» есть «вечное настоящее». Вечность и есть то, что постоянно в каждом моменте времени. Она не есть *само* время, она – полнота времен, всех мгновений на линии времени. Поэтому существует оппозиция «вечного настоящего» и собственно вечности как таковой. Вечность есть *исполненность* времен, т.е. полная осуществленность времени, полная собранность всех моментов времени.

Для конечного Dasein это означает провал, полную невозможность осуществления: конечность здесь и сейчас означает не просто ограниченность, а фундаментальную временность. «Момент» и есть выражение нашей конечности. И здесь есть любопытная деталь. Точка «теперь» тождественна всякий раз самой себе⁵. Это значит, что при *обращении* на точку «теперь» взгляда она становится неразличимой, и тогда действительно присутствующими становятся прошлое и будущее (опыт Августина). Это означает следующее.

Стремление к полному осуществлению Dasein выражается в этом беге времени, устремленности к будущему. Поэтому, строго говоря, как показывает М.Хайдеггер, экстазы времени – прошлое, настоящее и будущее – неравноправны. Самым важным для западного здесь-бытия становится экстаз будущего. Смысл присутствия сущего по имени Dasein в том, чтобы осуществиться. Это есть набросок воли к тому, чтобы быть, а точнее к тому, чтобы *мочь быть* (Seinkommen). Всегдашняя «нехватка» бытия гонит Dasein к тому, чтобы быть [9, с. 327]. Смысл бытия западного здесь-бытия открывается именно в этом устремлении: в экстазе будущего Dasein осуществится именно как бытие, а не как сущее.

Именно эта найденность себя как неполнота свершения в настоящем и решимость к тому, чтобы быть, и выражает себя через модус устремленности к будущему⁶. Модус будущего в смысловой структуре Заботы и в любом из ее экзистенциалов (Ужасе, Смерти и Совесть) является главным. Хайдеггеровское тут-бытие всегда настроено на будущее: набросок, проект и воля есть фундаментальные характеристики бесконечного развертывания деятельности

⁵ Эта самоидентичность точки времени «соответствует» открытости и неопределенности всякий раз присутствия сущего по имени Dasein. Что есть его присутствие? Оно есть экзистирование всякий раз к самому себе, от одной неопределенной ситуации здесь-бытия к другой ситуации здесь-бытия, оставаясь одним и тем же.

⁶ Отсюда такое важное значение в романо-германских языках имеют перфектные времена, «привязанные» к определенному моменту их конституирования. Богатая пластичность русского языка связана с большим количеством глаголов несовершенного вида. Несовершенный глагол (инфинитив) описывает просто действие, в то время как глагол совершенного вида имеет силу утверждения (решения, воли, приказа).

во-вне. Это и есть выражение «субъективности» западного здесь-бытия как временности. Время есть бег, вечность – целостность времени.

В противоположность этому русское «время» («веремья») есть собирательный термин для обозначения всех видов активности-деятельности, и законченной, и длящейся, и вечной. «Время» означает «вертеть», «вращаться», «связывать», «крутить». Время – «вертун», оно обращается к себе или на себя. Что это значит? Это значит, что время не уходит, оно возвращается. Это означает признание не просто становления, смены одного другим, но сплошную пластичность или перетекание одного момента в другой. Все модусы времени (прошлое, настоящее, будущее) не сменяют друг друга как нечто отдельное и отличное друг от друга, но как бы «вложены» друг в друга, несомы друг в друге. Каждый из этих модусов в своей определенности есть только по отношению к другим; они суть те же самые, но всякий раз как такие иного конкретного «момента». Это тождество в различном.

Сам по себе момент «теперь» *не существует*, он есть постоянная обращенность на то, что уже было, и то, что должно случиться. Иначе говоря, он не может быть выделен без того, что его наполняет: он есть у-бывание и прибывание. Следовательно, строго говоря, это не точка, не момент, а интервал, в котором совмещены (даны в-месте) то, что уходит, то, что наличествует, и то, что при-ходит. Настоящее выступает как развернутость в прошлое или будущее. Момент «теперь» и означает момент постоянной обращенности: *sich wenden* ан. Мы не можем выделить «момента» времени (платоновского «вдруг», аристотелевского «теперь» или хайдеггеровского «мгновения-ока») без обращения на уходящее или наступающее, без которых его просто нет. Имеется только чистая пластичность присутствия. Об отдельных моментах мы можем говорить *у-словно*, в прямом смысле, т.е. как выделяемых только в языке и в сознании, для языка и для сознания⁷.

Поэтому это *качественное* время; его прибывание и убывание суть интенсивности того же самого. Они не могут быть количественно сосчитаны. Повторение здесь есть не того самого, а, скорее, повторяется само повторение. Поэтому фигурой этого времени является круг.

«Все» русского времени (*aller Zeit*) дано поэтому в виде такого вращения или кружения, замкнутости начала и конца. Собственно, здесь нельзя говорить о «начале» или «конце», ибо образом всего времени и является не линия, не последовательность и вереница, а круг, вращение, обращенность на себя. Время не приходит и не уходит, оно вращается, или воз-вращается. Существует не конечность, а бесконечное повторение.

⁷ Это слышится и в немецком языке: *Bedingung* – от выделенной «вещи» (*Ding*), *Zustand* – от установки (*Stand*), *Voraussetzung* – поставленного вначале (*setzen*), *Vorbehalt* – предварительно удержанного (*halten*).

Русское время распластано, а не «точечно». Этот целое вращения времени есть бесконечное кружение, местом которого является вечность. Поэтому вечность это то, что «обнимает» все «моменты», все точки «теперь», но не присутствует в каждом в отдельности. Да и этой отдельности для русского человека нет. Вечность не оппозиция времени, а его вместилище. Это пространство разворачивания всех событий человеческой жизни, в котором они все вместе и одновременно присутствуют. Присутствуют как? Одни как уже прошедшие, другие как наличествующие, третьи как приходящие. Они все есть, имеются одновременно, точнее – одномоментно, но именно как те, что были, есть или будут [1, с. 363–364, 375–376]. Это не прошлое или будущее само по себе, а прошлое и будущее по отношению к этому конкретному присутствию, и в качестве таковых они имеются.

Это означает, что сама конечность здесь-бытия проявляется только в его отношении к своему бытию, только в выделении себя из бытия. Поскольку русские так себя не понимают и не мыслят, время для них не «течет», не «проходит», «не пробегает» и т.п. *Время, как и бытие, просто есть.*

Для русского здесь-бытия это означает, что каждый «момент» времени в нем «исполнен», т.е. наполнен всем присутствием. Экстазы времени, движение и становление возникают не от «нехватки» бытия, а от его полноты в каждом здесь-бытии. Экзистирование происходит как «переливание», «перетекание» присутствия. Эта полнота существования означает для русских «немоготу» быть, «истóму» от бытия и беззаботность бытия, а вовсе не решимость, устремленность и волю. Русское бытие принципиально не требует специального мужества быть или отваги, ибо оно всегда при бытии и у бытия. Оно настолько близко, что практически забывается. Удивительная беззаботность русских связана именно с доверием бытию, которое всегда и «больше», и «то же самое» в любой момент времени. «Больше», потому что мы не отделены от него никакой дистанцией: мы всегда в нем; «то же самое» потому, что никакое различие, мышление, понимание ничего не прибавляет к бытию. Событие различия, с которого, например, начинается философское мышление, открывает бытие, которое уже есть и было, и будет.

Поэтому в отличие от западного события, понимаемого как «молния» различия и отграничения одного от другого на стреле времени, русское сбывание неопределенно: оно есть покойное движение, ощущение полноты бытия. Сбывание заключается в том, что *ничего не происходит*: всякое при-бывание выражает у-бывание. Время как бы «стоит», или повторяется: всякое новое есть то, что приходит на смену старому, т.е. его иное, а не вообще другое.

Эта полнота бытия, выражаемая в спокойном перетекании времени, выражается в привилегированности экстаза прошлого, а не будущего. Будущее всегда проявляется в связи с действием; все, что модально окрашено, переключает наше внимание с настоящего момента на будущее. Однако поскольку

существует полнота бытия, т.е. уже совершенство в каждый момент пребывания, то для русских главную роль играет прошлое (свершившееся). В настоящем экстазирует всегда прошлое; мы уже в нем всегда есть, находим себя, уже расположены в нем. Русские знают будущее и все его формы (будущее как прошлое, будущее как настоящее, будущее как будущее). Однако это будущее понимается прежде всего как проекция и повторение того же⁸. Оно есть не открытость, не возможность быть, а отступление «назад», «переделка» прошлого. Будущее – не возможность быть, а, скорее, *не-возможность быть иначе*, чем уже есть. Размыкание будущего возможно только с размыканием точки перфекта [4, с. 409].

Таким образом, круг и линия – вот две основные фигуры, лежащие в основе опыта переживания своей временности сущим по имени *Dasein*. Заметим, они отнюдь не являются оппозициями друг другу: не-отношение к своему времени и его забвение может сменяться осознанием своей временности и решимостью быть, и обратно. «Круговое» время может «распрямляться» в линию, а линия может «замыкаться», образуя круги временности⁹. Это равноисходные и равновозможные перспективы понимания временности. И все же в русском бытии доминирует «круговое» время.

Это общее понимание времени определяет конкретные формы его экзистирования в русском существовании. В этом анализе мы строго будем следовать общей последовательности глав 4, 5 и 6 второго раздела книги «Бытие и время».

Список литературы

1. Водолазкин Е. Лавр. Неисторический роман. – М.: АСТ, 2014. – 440 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб., 1997. – 799 с.
3. Калитин П.В. Уравнение русской идеи (по-святоотечески новая и оригинальная система «мысли-поступка-социума» российских ученых монахов второй половины XVIII – начала XIX века). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. – СПб.: Изд-во С.Петербург. гос. ун-та; Нестор-История, 2011. – 480 с.

⁸ Как показывают исследования, формирование представления о будущем времени происходит довольно долго, в течение всего Средневековья [4, с. 397–410].

⁹ Эти доминанты базового опыта переживания временности лежат в основе эволюции представлений о времени, многократно описываемых в различных конкретно-исторических исследованиях. Различия между языческими и христианскими представлениями времени, различные образы времени в среде интеллектуалов и профанов, переход от «кругового» к «линейному» времени в эпоху Средневековья, постепенное становление представлений о будущем времени на рубеже Нового времени и т.п. так или иначе, лишь репрезентируют эти фигуры базового опыта временности.

5. Комаров С.В. Опыт реконструкции структуры времени в произведении М. Хайдеггера «Бытие и время» // Личность. Культура. Общество. – М., 2009. – Т. XI, вып. 4, № 51–52. – С. 377–384.

6. Комаров С.В. «Патология» русского бытия, или Русская глупость. Маленькое эссе о глупости (2) // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2014. – Вып. 2 (18). – С. 49–59.

7. Комаров С.В. Стратегии борьбы со временем: событийность и история // Вестник Рос. христианской гуманитарной академии. – СПб., 2015. – Т. 16, вып. 1. – С. 107–121.

8. Франк С.Л. Непостижимое // С.Л. Франк. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 607 с.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – С. 451.

10. Harman, Graham. Quadropule Object. – Zero Books, 2011. – 147 с.

Получено 28.08.2015

S.V. Komarov

THE TIME OF RUSSIAN BEING

The article is devoted to study of time based on the existential analysts of Russian Being. The difference in understanding of the nature of time in the West and Russian mentality is expressed in the shapes of line and circle; shows the difference in understanding of the «moment» as times point and times interval. It has been shown that main times modus for Western thinking is the Future and for the Russian mindset is the Past. On the basis of that it has interpreted the time of Russian daily as stopped times and repetitive (“Stuck”) times of history. It is shown that the different attitude towards its extremity of Western and Russians man gives different strategies of understanding its historicity and eventness and opens up different avenues exiting the circle of repeating time.

Keywords: Being, presence (Dasein), time, line, circle, point, Past, Present, Future, resolve to be, Stuck time, Running Time, Emancipate time, history, eventness.